

Александр
Невзоров

**ОТСТАВКА
ГОСПОДА БОГА**

Зачем
России
православие?

Александр Невзоров

**Отставка господ бога. Зачем
России православие? (сборник)**

«ИП Невзорова Лидия»

2015

Невзоров А. Г.

Отставка господ бога. Зачем России православие? (сборник) /
А. Г. Невзоров — «ИП Невзорова Лидия», 2015

ISBN 978-5-699-77727-3

Александр Невзоров, автор легендарной телепрограммы «600 секунд», отец российской журналистики, бескомпромиссно вскрывает самые болезненные, актуальные проблемы современности в России и в своих очерках и публикациях пишет о том, что сегодня волнует как его самого, так и всех нас. Религия и школа, реформа образования и вектор развития государства, патриотизм и либерализм... обо всем этом ярко, образно, провокационно пишет один из самых известных публицистов страны в своих колонках для «Московского комсомольца» и журнала «Сноб». В данную книгу собраны самые интересные публикации Александра Невзорова. С автором можно спорить, не соглашаться или, наоборот, страстно его поддерживать, но узнать его точку зрения на самые острые вопросы наших дней всегда очень интересно!

ISBN 978-5-699-77727-3

© Невзоров А. Г., 2015

© ИП Невзорова Лидия, 2015

Содержание

Манифест современного атеизма	5
Весьма нациАнальная идея	8
Уроки атеизма (Три копролита)	11
Особая форма педофилии	14
Православие или жизнь?	17
Большой кремлевский хобот	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Глебович Невзоров

Отставка господ бога.

Зачем России православие?

Манифест современного атеизма

Гадаю: а что же, собственно, хочет дать понять мне, да и всем видевшим его за этим занятием, президент РФ Д. Медведев?

(Я имею в виду очередную демонстрацию президента, с усердием гоголевского Носа молящегося на каком-то очередном церковном мероприятии.)

Трудно предположить, что Дмитрий Анатольевич не знает о фантастической способности любой религии разделять людей и натравливать их друг на друга. Столь же трудно себе представить, что он никогда не слышал о том, насколько болезненны, сложны и трагичны все вопросы, связанные с так называемой свободой совести, с многообразием вер и неверий, с рожденным в огне церковных костров правом на свободомыслие, знание и сомнение.

Сомнительно.

Полагаю, он знает об этом.

Тогда что и кому он предлагает усвоить через демонстрацию своей (как первого лица) православности, тем самым предлагая ее как негласную, но категоричную норму? И стоит ли вообще тому, кто не сопричастен православной идеологии, воспринимать сегодня Россию как свою Родину?

Возможно, я один такой неправильный.

Тогда проблемы не существует: следует лишь обсудить конструкцию клетки, в которую я, как атеист, должен быть помещен, а также примерный маршрут перемещения клетки по православной стране (для всеобщей потехи и поучения.)

Но пикантность ситуации заключается в том, что на данный момент в России существует неизвестное количество (по оценкам ВЦИОМ, около 30–40 %) граждан, для которых все, что бормочется, говорится, провозглашается и пишется бородами разносчиками духовности, является не более чем скучной и пафосной белибердой, не имеющей вообще никакого смысла и лишь маскирующей (в лучшем случае) тривиальные бизнес-устремления, а в худшем – деструктивное сектантство, раздутое до общегосударственных масштабов. Также можно обоснованно предполагать, что существует и не меньшее количество граждан, убежденных, что православие как идеология – это главное несчастье России, которое на 700 лет затормозило ее развитие, а в 1917 году доказало свою полную неспособность служить как «стержнем нации», так и неким «цементом», скрепляющим государственность и народ.

Мировоззренческие дебаты тут бессмысленны, а компромиссы нереальны. Возможна лишь одна тема для обсуждения: это способ и стиль сосуществования в одной стране людей со столь полярно разными убеждениями.

Это непростая задача с учетом исключительной страсти христиан «оскорбляться» по любому поводу.

(Очень трудно найти что-либо существенное и важное в истории человечества, что в момент своего возникновения не оскорбило бы христиан в их религиозных чувствах.)

Да и ныне они с поразительной страстью шныряют повсюду и страстно ищут, где бы им еще оскорбиться. Следует отметить, что при этом христиане очень плохо ориентируются в том, что для них действительно является опасным, а что – нет.

Прекрасной иллюстрацией этому тезису служат известные события.

Как вы, вероятно, помните, недавно из «шкафа РПЦ» посыпались «скелеты».

Пока в виде часиков, дач, квартир, троюродных сожительниц и прочей пикантной мелочи.

(Скандалы покрупнее еще только готовятся к десантированию из «священного» шифоньера, но уже слышно, как они там шуршат, волнуются и сотрясают створки.)

Подводить под этот обвал конспирологию нет никакой необходимости; следует понимать, что и скелетам тоже может стать тесно.

В принципе ничего неожиданного или чрезвычайного не произошло: подобные секретки есть у любой бизнес-корпорации, и РПЦ не обязана быть исключением. Никто, собственно, и не предполагал, что костюмации и пафосные декламации из древнееврейского фольклора имеют хоть какое-то отношение к теории и практике ее бизнеса, а так называемое служение имеет иные мотиваторы, кроме меркантильных.

(Повторяю, наличие «брегетов», дорогих квартир, сомнительных смазливцев, яхт, дворцов и миллионов, никак не компрометирует корпорацию, а лишь дает исчерпывающее представление о подлинных смыслах и целях ее «служения».)

Удивительно, что при стопроцентной предсказуемости того, что финансовые и иные механизмы концерна рано или поздно раскроются, сама церковь оказалась трагически не готова к такому «разоблачению»; когда это произошло, именно она оказалась самой истерирующей стороной, а виноватыми – все те, кто узнал или просто услышал о ее подлинных мотиваторах.

Истерика церкви, впрочем, не отличается оригинальностью исполнения.

Она крепко подкрашена экзотической средневековой злобой, но в целом ее компоненты и сценография стандартны: это попытки демонстрации «единства» через организацию экзальтированных масс-мероприятий (стояний), смешные рыдания в СМИ, обзывательство оппонентов и сочинение коллективных доносов. (Все это ожидаемо и мило, но не очень логично, т. к. происшедшее – недоработочка самого концерна РПЦ, «пастухи» которого обязаны тщательнее скрывать свои мотиваторы хотя бы от так называемого стада.)

Истерика подтвердила аксиому: РПЦ не может существовать никак иначе, кроме как в строго тоталитарном варианте, когда ее безопасность в общественном пространстве обеспечивают как минимум 14 статей уголовных уложений, десятков законов и подзаконных актов, штыки, дубинки, нагайки, страх каторги, ссылки и лишения всех прав состояния.

Напомню, что именно эти факторы позволяли сохраниться православию как главенствующей религиозной группировке в так называемой Святой Руси, то есть в царской России.

Никакой другой рецептуры удержания его на плаву как государственной идеологии, судя по дореволюционному опыту, не существует. Маниакальное стремление человека XXI века быть свободным, развитие наук, Интернет и прочее – даже для краткого «торжества православия» потребует уже не 14, а 114 уголовных статей, пятикратное увеличение репрессивного аппарата и изготовление примерно 25 миллионов нагаек. Все это на данный момент не слишком реально и рентабельно.

Недавняя истерика позволила и спрогнозировать ближайшее будущее РПЦ.

Гундяевцам, конечно же, пока везет.

Основными оппонентами их оскандалившейся корпорации выступают только атеисты, никак не посягающие на самое святое, то есть на бизнес церкви. Вроде бы попы могут быть относительно спокойны, так как прибыль в 1500 % от торговли свечками, недвижимость, сети торговли золотом и прочее – в безопасности.

Но так будет не всегда.

Дело в том, что дырищи в репутации РПЦ, расширяемые с каждым днем СМИ, существенно ослабили ее конструкцию.

Теперь какой-нибудь волосатый харизматик (лучше в сане, а еще лучше – с панагией), хорошо владеющий поповской проф. терминологией и тем минимумом актерской техники, что позволяет изобразить «веру» в сложных условиях ТВ-шоу, сможет легко и грамотно разыграть «религиозный» конфликт с жадным, агрессивным и неумным генералитетом концерна РПЦ, уже скомпрометированным в глазах так называемых верующих.

Результатом такого конфликта будет очень чувствительный раскольник и увод из изъязвленного скандалами «лона» как минимум трети жрецов, а самое главное – паствы с ее финансовым потенциалом. Верующим, как мы знаем, преимущественно безразлично, где именно покупать магические услуги. (Скорее всего, одним расколом дело не ограничится: законы рынка предполагают и более мелкое дробление конструкционно «рыхлых» корпораций.)

Вероятно, такой харизматик уже «дозревает», так как безналоговый бизнес РПЦ является уж слишком легкой и завидной добычей, чтобы не быть расколотым и обглоданным. А с такими «стражами престола», как «Чаплин в рясе», малыш Легойда и антисанитарные хоругвеносцы, его можно брать и рвать голыми руками.

(Кратенькая, легкая, строго разведывательная информационная операция «Брегет-1» выявила беспрецедентную слабость всех линий РПЦшной обороны. Поповские идеологи до смешного не умеют держать, отражать, нейтрализовывать и парировать даже легкие информационные удары.)

Возможно, этот разворот в судьбе концерна (раскольник) обеспечит некто из недавно наштампованных епископов (там есть парочка вполне себе авантюрных и неглупых прохиндеев), а возможно, этот «некто» еще таится в угрюмой среде семинаристов, где легко замаскироваться, лишь имитируя (до времени) беспричинную печаль и туповатость.

Посмотрим.

В любом случае это должно произойти, и есть надежда, что шоу будет вполне качественным. Концерн РПЦ пожелал жить по законам бизнеса – ну, соответственно, пусть и прочувствует всю прелесть этих законов.

Такой исход автоматически неизбежен, а точка невозврата уже пройдена. В результате последует дробление концерна РПЦ на множество мелких эклизий, сутяжничающих меж собой из-за собственности, льгот, антиквариата, эфирного времени и мигалок. Вероятно, та скептическая усталость, которую ныне демонстрирует в отношении РПЦ власть, усугубится «до невозможности», тем паче что обещанного перед парламентскими выборами беспрекословного повиновения «стада», что называется, «не вышло», а государственной идеологии из православия не получается по причине отсутствия 114 соответствующих статей УК, 25 миллионов нагаек и определенных трудностей при получении от Госпожнадзора разрешения на разведение очень «специальных» костров.

Весьма нациАнальная идея

Свершилось.

У России, кажется, вновь завелась идеология. (С ослабленными или больными госорганами, пребывающими в некоторой антисанитарии, это случается.)

Следует отметить, что со времен Хомякова, Победоносцева и Брежнева калибр российской национальной идеи несколько минимизировался. По сравнению с украсившими свалку истории «третьим Римом», «покоренным космосом», «народом-богоносцем» и «миру миром» – нынешняя русская национальная идея выглядит геополитически, конечно, поскромнее, но зато значительно превосходит устаревшие образцы в пикантности, так как из области «головы, сердца и космоса» она уверенно переместилась к анусу и гениталиям.

Я имею в виду общенародную «охоту на гомосексов», сезон которой был открыт в марте 2012 года набожными законодателями Санкт-Петербурга.

Почему именно питерский ЗАКС так истерзало мыслями о ненадлежащем применении гражданами своих задов – история в полной мере не раскрывает; хотя известно, что главному инициатору закона было видение: огромный, увенчанный то мурмошкой, то кокошником (то есть очень национальный) зад, который молил праведного депутата о своем спасении.

Явление страдающего зада наблюдалось законодателем и над Петропавловской крепостью, и над Исаакиевским собором, и даже над Смольным. Это видение преследовало депутата неотступно, но некоторое своеобразие фонетики и мимики таинственного объекта мешало праведнику до конца понять причину его страданий.

Тогда он обратился к проктологам, протоиереям, местным поэтам-хоругвеносцам и другим профильным специалистам, которые легко расшифровали и перевели на церковнославянский обращенную к депутату речь его преследователя, где (как выяснилось) содержались жалобы на «злокозненных геев».

Эта-то речь и стала основанием для текста знаменитого закона. Дальнейшее было делом техники.

Потрясенные явленным коллеге откровением, в борьбу за страдающий национальный зад включились прочие депутаты – и закон был принят.

Говорят, что принятие сопровождалось уже коллективным созерцанием чудесного объекта всем Законодательным собранием, овациями и троекратным лобызанием видения с праведником прямо на трибуне.

Возможно, во всей этой истории какая-то часть и мифологична, но никаких рациональных мотиваций принятия закона № 108-18 от 17 марта 2012 года пока установить не удалось.

Питерская инициатива не просто прижилась в регионах, но и быстро обрела статус вдохновительницы масс. Она воодушевила публику на местах и на законодательное прихлопывание элгэбэтэшников, и на более основательное (и безнаказанное) их поколачивание при первом же удобном случае. Приосанилось и чиновничество.

Вдохновленное примером питерского губернатора, который, побрякивая веригами, послушно подписал откровенно дискриминационный и бессмысленный закон странного происхождения, всякое мелкое и среднекрупное начальство заерзало на местах, объявляя геев главными врагами отечества.

Апелляция к российскому чиновничеству, конечно, не совсем корректна, так как его безмыслие и, соответственно, трепет перед любой так называемой духовностью, кажется, уже достигли абсолюта.

В этом смысле показателен пример красавца Онищенко.

Он вдруг покорно лизнул переплет Библии, всерьез и очень доверительно сообщив прессе, что именно это-то сочинение и является концентратом настоящего гигиенизма и сани-

тарии. Нам еще повезло, что санитары книжек не открывают, а то в один прекрасный момент ведомые Геннадием Григорьевичем ОМОНЫ, согласно однозначным библейским предписаниям, начали бы отлов и жесткую изоляцию от общества дам с месячными.

Возможно и введение других гигиенических библейских нормативов, таких как обмазывание и обрызгивание населения жертвенной кровью и жиром и мытье ног в крови врага (как в 57-м псалме рекомендует царь Давид).

Но вернемся к гомосексуалистам. Объяснениями, почему травить надо именно «гомосексов» и в чем они вообще провинились (или чем опасны), – никто себя так и не утрудил.

Единственное обоснование арестов, запретов, поражения в правах и избиений этих граждан России в XXI веке заключается лишь в том, что их склонности противоречат некоторым положениям древнееврейского фольклора, что и раздражает бородатых поклонников последнего. Никаких других обвинений этим, чуть иным, людям предъявлено так и не было, из чего следует, что все претензии к «гомосекам» находятся лишь в области религиозно-мифологической, и уж никак и ни в каком виде не могут закрепляться законодательством светского государства или вообще приниматься всерьез вне контекста религиозных убеждений.

Демографический аргумент, которым иногда мотивируется травля геев в России, звучит мило, но лицемерно, с учетом того, что всегда предъявляется той стороной, что сама, по правилам своей «священной» ролевой игры, обрекает на физиологическую трагедию и полное бесплодие десятки тысяч здоровых мужчин и женщин в так называемых монастырях. (Демографические трели церкви звучали бы убедительнее, если бы она сама «во имя демографии российской» одним росчерком решила бы нормализовать сексуальную жизнь в своих обителях и через годик предъявила бы тысячи младенцев.)

Ситуация же с геями настолько любопытна, что заслуживает того, чтобы быть отпрепарированной и рассмотренной более тщательно.

Механизмы ее понятны.

Новый иеромонах Илиодор или иной церковный вождь настоящих, боевых «черных сотен» уже не зародится в недрах бородатого концерна, а вот погромный зуд уже опять проснулся. (В его пробуждении виновато в большей степени государство с его дурацкими ласками.) Выкидывать еврейских детишек из окон на мостовые, как это было принято в конце XIX – начале XX в., несовременно и опасно, поэтому избран другой объект, на страже которого не стоит мировое жидомасонство с его «климатическим оружием» и другими аксессуарами «всемирного заговора».

Геи все-таки безобиднее и беззащитнее, чем те, на ком русская церковь могла удовлетворяться на рубеже прошлого столетия, и прекрасно подходят и для реализации декоративной национальной идеи, и для утоления страсти погромить и поиздеваться.

Шизофренизм 2012 года, конечно, позволил определиться в отношении бедных гомосексов и их прав всем тем, кому вопросы сексуальной ориентации были до этого времени скучны и безразличны, но и он не отменил крайне негативного смысла слова «педераст».

Впрочем, обозначились и некие новые грани и нюансы этого емкого термина. В современной российской интерпретации это уже не столько гей, сколько просто – не мужчина. А принадлежность к этой категории, как известно, определяется прежде всего отношением к женщине.

Или к целым трем женщинам.

К примеру, к тем, кто за безобидную песенку уже третий месяц зачем-то сидит в тюрьме. Безвинно и бессмысленно.

Тому, кто их усаживал или удерживал там, легко доказать принадлежность к «не-педерастам». Им достаточно просто извиниться перед девчонками. Всего лишь на основании своей принадлежности к мужчинам.

Или просто к «не-педерастам».

Если им, конечно, знакомо это ощущение.

Уроки атеизма (Три копролита)

Отрадно видеть, что служители культа и добровольная обслуга идеи «православие, самодержавие, народность» наконец-то подвели под все творимые ими дикости хоть какую-то базу. База незатейлива и заключается в паре-тройке заклинаний, смысл которых в том, что тот, кто против «православия, тот против России».

Известный лауреат премии «Серебряная калоша-2012» блеснул еще более изощренной формулировкой, сообщив миру, что разглядывание его часиков вообще «подбивает Россию на взлете».

(Красивый приемчик декларативного увязывания себя с чем-то очень значительным был изобретен еще О. Бендером, но в принципе работает до сих пор.)

Неприятие церкви и церковников в сегодняшнем контексте трактуется как русофобство и нечто крайне антипатриотичное, так как, по мысли служителей культа и их воцерковленнейшей, весь смысл существования России заключается только в содержании РПЦ. Такой взгляд на вещи экзотичен, но возможен.

Но и у позиции, что именно церковь, для собственного удобства и бесконкурентности глобально изолировавшая Россию от всякого европейского развития на 700 лет, была главной причиной большинства трагедий страны, – не меньше прав на существование. И клейма «русофобства» здесь мало уместны.

Напротив.

Приведу пример: заметив на близком человеке, предположим, кепочку в горошек и с невообразимыми ушками, вы честно сообщаете, что кепочка придает ему сходство с полным идиотом, и предлагаете ее снять.

Это действие отнюдь не означает антипатии к ее носителю, скорее, наоборот, желание убрать обидчивающий аксессуар есть искреннее и реалистичное действие во благо этого персонажа. Возможны, конечно, аналогии и с чашей отравы, с миной, капканом или с протухшими шпротами, но они излишне пафосны, и пока для них нет особых оснований, так как события «вокруг кепочки» развиваются скорее забавно, чем трагически.

Топорная клерикализация дает свои первые плоды.

Мягко говоря, они иные, чем те, что ожидались кремлевскими садоводами.

Церковь становится посмешищем.

Но ладно – церковь, поиграли и забыли; грустные попы удалятся в тень своих приходиков, чтобы заняться привычным делом: тихо высасывать у старушек пенсии, а у впечатлительных бизнесменов – джипы. Но жертвой клерикального разгула, увы, стала и сама госидеология в целом, и тщательно взращиваемый последние 20 лет казенный патриотизм.

О госидеологии стоит упомянуть особо.

Кремлевские сизифы уже который год пытаются сложить три ее компонента (то есть православие, самодержавие, народность) то башенкой, то калачиком, то змейкой. Эти игры с тем, что недоброжелатели системы могли бы назвать «копролитами», имели определенный успех.

Трехсоставную игрушку удалось скомбинировать и отполировать так, что ею вполне можно было дурить школьников 4-х – 6-х классов и умилять до слез администрацию государства. Усилиями центральных телеканалов и всего сотни газет госидеологии даже удалось обеспечить на информационном рынке почетное 225-е место. Немножко портили картину бородатые маргиналы, которые использовали идеологическую конструкцию для актов публичного самодовольствия, вводя ее себе на опасную (по меркам проктологии) глубину, но позже выработалось общественное привыкание и к глубине, и к публичности, и даже к тому сладострастному мычанию, которым эти акты всегда сопровождалась. Основное население РФ созерцало

жизнь кремлевской идеологемы по ТВ-каналам, воспринимая ее даже с некоторым интересом и умилением, то есть примерно как лося, забредшего в супермаркет.

Иными словами, была себе у РФ некоторая идеология, даже не хуже, чем, к примеру, у ацтеков, но, в отличие от ацтеков, все человеческие жертвоприношения делались на периферии и особо не рекламировались.

В обычной жизни она никого особо не касалась и не беспокоила.

Ее откровенная средневековость, конечно, проявлялась в нелогичности госустройства, маразме, взаимной озлобленности, тотальном воровстве и странных судебных процессах, но в контексте того, что никто, собственно, никогда и не воспринимал РФ как пространство, пригодное для нормальной жизни, о причинах задумываться было не принято. Как и не было принято пристально разглядывать составляющие элементы госидеологии. Но жертвоприношение в Хамовническом суде, инквизиторничанье, вторжение попов в школы, размах безнаказанного хулиганства служителей культа, бюджетное обеспечение их любых проказ и роскоши, то есть то, что и называется настоящей клерикализацией, увы, существенно повредили нехитрую конструкцию из трех элементов. Впрочем, такое развитие событий мог бы предсказать даже слабоумный. Как известно, клерикализация вызывает атеистическую реакцию, та провоцирует всплеск критицизма. Критицизм, остро нуждаясь в информационном питании, вызывает резкую генерацию знаний. А неизбежная поспешность этой генерации порождает те информационные взрывы, которые обрушивают любые идеологемы.

Огорчительно, но казенно-патриотические символы обычно становятся первой жертвой, на волю вырываются реальные факты и лопаются мыльные идеологические пузыри.

Первым лопнул Александр Невский, за ним, вероятно, последует Бородинская «победа».

Про первого «героя» Руси общество узнает, что был он кровником-побратимом сына Батыея, ярлыки на княжение (возможность власти) получал только в Орде, по татарской указке лично разгромил и поджег единственный свободный на тот момент от татарской дани Новгород. Узнает и то, что в «грандиозной» битве на Чудском озере было убито... 20 рыцарей, а Лаврентьевская летопись руководителем русского отряда в той небольшой стычке называет не Александра, а Андрея Ярославича, его безвестного брата.

Примерно такая же малоприятная история с Бородинской «победой».

Желание церкви «потереться о ее ноги» обязывает нас вспомнить факты массового предательства духовенства в 1812 году: к примеру, то, что две трети служителей культа Могилевской епархии «учинили присягу на верность врагу», а православный клир Смоленска встречал Наполеона с образами и колоколами.

С самой «победой» все обстоит еще печальнее: «с поля русской славы» наши отступали так позорно, что бросили в селе Можайском и на самом Бородинском поле около 10 тысяч своих раненых солдат.

Главный хирург Наполеоновской армии Доминик Жан Ларрей подробно описывает эту ситуацию, равно как Белло де Кергорр и Мерсье, которые, впрочем, приводят цифры даже чуть большие, чем 10 тысяч.

(Следует отметить, что в селе Можайском французы почти не обижали русских раненых, а лишь выбрасывали их из домов в огороды, чтобы освободить место для своих.)

Или, уж совсем некстати, всплывет тот милый факт, что, пока война с Францией шла на территории Российской империи, дезертиров, действительно было немного, поскольку бежать было некуда; русский пейзаж и тогда был богат капитан-исправниками, колодками и каторгами, но как только победоносная русская армия перешла границу Франции, примерно четверть ее личного состава (около 40 тысяч человек) дезертировала, рассосавшись по французским провинциям и нанимаясь к фермерам Гиени, Пикардии и Монбельера грести навоз из-под галльской скотины.

А. М. Баранович, автор записок «Русские солдаты во Франции в 1813–1814 годах», оговаривает, что речь идет лишь о рядовых и унтерах, то есть о рабах системы, для которых вольное батрачество у врага было куда соблазнительней, чем роль воина-победоносца.

(Чуть смущенный этим фактом Александр I за счет казны намеревался возвратить дезертиров в Россию, всем пообещав прощение, и даже дважды обращался за помощью в этом вопросе к Людовику XVIII, но вернуть удалось лишь около десятка человек.)

И это лишь два примера, а их могут быть десятки по всем ключевым идеологическим позициям. Конечно, такие вещи и не должны становиться известны, они смертельны для казенного патриотизма, наспех сляпанного из «помятых киверов», «стойкостей» и профиля артиста Н. Черкасова.

Иконки госидеологии надо показывать редко, кратко и по возможности издали. Совать их под нос народонаселению не рекомендуется, так как возникает опасность их пристального изучения.

Скажу еще менее приятную вещь – рано или поздно топорная клерикализация спровоцирует совсем уже страшный вопрос: а чьей, собственно, религией было православие? Какого такого народа?

Дело в том, что понятие «народ» очень сложно коррелируется с понятием «рабы». Рабу немислимо любить ту систему, которая предполагает возможность его продажи, публичной порки, тихого убийства, любых истязаний подневольным трудом, его безграмотность и жизнь в дикости и грязи. Раб не может быть ни патриотом, ни гражданином. А таких рабов, крепостных, в Российской империи до 1861 года было почти 88 % населения. Так православие – это *их* религия?

Что же касается среднего компонента триады, то есть «самодержавия», то тут все пока очень оптимистично, этот компонент идеологии еще может поработать. Учитывая моду на всякую экзотическую живность, Российская Федерация в принципе может завести себе даже царя, и если ему будут изготовлены впечатляющие аксессуары, то будущий монарх сможет очень прилично зарабатывать на корпоративах.

Особая форма педофилии

Итак, религия вторглась в школы.

Возникает естественный вопрос: что делать?

Разумеется, противостоять желательно через демонстрацию твердой родительской позиции, обязав руководство школы полностью оградить вашего ребенка от любой религиозной пропаганды.

Если это будет невозможно (по разным причинам), то предстоит серьезный разговор уже с ребенком.

Ему придется честно сказать, что его развитие и во многом его будущее собираются принести в жертву потенциальной доходности странной организации под названием РПЦ. Столь же отчетливо придется объяснить и тот неприятный факт, что и учителя бывают глупы и трусливы, что живут в страхе перед начальством и вынуждены преподавать то, чего не понимают сами.

Это придется объяснять терпеливо и последовательно, естественно, принося в жертву авторитет отдельных педагогов, а через них и школы в целом.

Ну что ж.

Школа должна со всей отчетливостью понимать, что, вновь впустив в свои стены «закон божий», она вступила в открытый конфликт не только с наукой, развитием, самой сутью просвещения, но и с тысячью великих теней, положивших когда-то судьбы и жизни за то, чтобы избавить человечество от самых нелепых его заблуждений. Эти тени когда-то были людьми редкого и преимущественно ядовитого остроумия. Предполагать, что они не «дотянутся» из-под мрамора своих гробниц до робких «шкрабов» современности – предельно наивно. Вероятно, школьным работникам теперь придется познать не только преимущества покорности, но и все связанные с ней неудобства.

Забавно, что никто так и не смог ответить на простой вопрос: зачем это вообще надо?

Зачем воспаленный, сложный, экстремистский по самой своей природе вопрос надо предлагать детям в 4-м классе?

Причем столь безапелляционно?

Для лучшего «понимания и усвоения» русской культуры?

Но даже по факту простого численного представительства русская культура, возможно, не вполне атеистическая, но уж никак не православная. Имена Тургенева, Герцена, Белинского, Писарева, Добролюбова, Чернышевского, Чаадаева, Павлова, Тимирязева, Сеченова, Орбели, Есенина, Циолковского, Мандельштама, Булгакова, Левитана, Перова, Маяковского, Толстого, да и еще доброй сотни создателей этой культуры, – говорят сами за себя. С культурой же общемировой православие вообще не имеет никакой, даже внешней связи, а со значительной частью – и вовсе пребывает в мировоззренческом жестоком конфликте.

Православие в его обычном понимании на протяжении многих веков было некоей «народной религией», то есть вероисповеданием безграмотных, изолированных от развития людей, которых законы разрешали продавать и покупать, унижать и насиловать любым способом. Русские крепостные, иными словами – рабы, были основной референтной группой православия. Русская знать, которой петровские реформы дали некоторую свободу, немедленно ею воспользовалась.

Как мы помним, дворянство (за небольшими исключениями) всю масонствовало, уходило в теософию, месмеризм, эзотерику, а затем вольтерьянство, толстовство, дарвинизм и атеизм. О деде Марии оно вспоминало в откровенно порнографических стишках типа «Гавриилиады», а о попах – в мечтах об удушении последнего царя кишкой последнего попа.

Кумиры просвещенной молодежи, разночинцев и студенчества тоже сменялись очень занятым образом, но никогда среди них не оказывалось казенных мыслителей.

Вольнодумец и погромщик православия Чаадаев сменялся атеистом Писаревым, тот – Кропоткиным и т. д.

Конечно, имело место и так называемое богоискательство, но оно ничего общего с православием не имело, обращаясь то к католицизму, то в сакральную иероглифику Кирхериуса.

Разумеется, в культуре существовали группировки «охранителей» с их показным православием, но на любой их шаг прогрессисты отвечали залпами, подобными письму Белинского к Гоголю.

Конечно, русская культура имела свой православный полюс, представленный славянофилами.

Отношения западнического, либерально-атеистического и славянофильского полюсов были, напомним, очень скверными. Лучше всего взаимоотношения этих полюсов в русской культуре иллюстрирует реакция Достоевского на труды Ивана Михайловича Сеченова.

Напомним, что после выхода «Кому и как разрабатывать психологию» Достоевский исплевался ядом, назвав Сеченова «в сущности, человеком необразованным», «мало знающим», «научными своими выводами скорее вреден, чем приносит пользу» (*«Письма Достоевского», 1934, т. 2, стр. 259*). Да, у многих поэтов и литераторов могли случаться приступы публичного православия, но следует помнить, что статьи уголовных уложений, карающие за ересь, иноверие или атеизм ссылками, порками и лишениями прав состояния, распространялись на всех, и литераторы вынуждены были демонстрировать лояльность.

Фактор жесточайшей и крайне свирепой полицейщины в вопросах «веры» позволяет усомниться в искренности таких демонстраций. То есть называть русскую культуру XVIII–XX веков «православной» нет никаких оснований. Она была настолько неоднородна, слоиста и конфликтна, что вообще никакой объединяющий термин к ней не подходит и применяться не может. Говорить же о некоем «древленародном, допетровском православии» вообще невозможно, так как в течение почти семисот лет ни у одного человека в России никакого права выбора веры или мировоззрения не было.

Попытки читать лишние книги или даже просто задумываться на тему веры немедленно объявлялись ересью, как это было с группой новгородских и московских интеллектуалов в XV веке, осмелившихся переосмыслить некоторые каноны. Разумеется, дело закончилось пытками, отрезаниями языков и сожжениями. Следует отметить, что все фигуранты дела о московско-новгородской ереси были отнюдь не атеистами, а занимались «обретением истины о бозе». Богоискатели, среди которых были и миряне, и духовенство, были наречены «жидовствующими» и истреблены.

В XVII столетии массовые казни, убийства и сожжения были ответом русской церкви на другую попытку инакомыслия, на так называемый раскол. Разумеется, ни о какой свободе выбора веры или убеждений говорить не приходится, выбор православия никогда не был свободным, осмысленным и осознанным актом.

Умилительная сцена расцеловывания русскими солдатами икон перед Бородинской битвой имеет простой подтекст: грамотных во всей русской армии было около 4 %, а примерно 90 % личного состава – крепостные, то есть обычные рабы, более того, рабы, с раннего детства принужденные системой «веровать и исповедовать» то, что было наиболее комфортно для той самой системы, что держала их в рабстве. Так что никакого выбора «целовать не целовать» у них просто не было.

Понятно, что история не более чем служанка идеологии, всегда готовая обслужить свою барыню, принять любую позу и конфигурацию, мимикрировать, слиться или надуться. Она всегда готова выполнить любую прихоть идеологии, что доказывает неслучайное богатство существующих в этой дисциплине методов. Но не существует метода, с помощью которого можно

было бы исказить ее настолько убедительно и красиво, чтобы доказать «стержневую» роль православия в истории России.

Православие с первого дня своего появления – не более чем инструмент власти, лишь один из способов насилия.

У служителей культа остается один на первый взгляд реальный аргумент – это необходимость привития детишкам «морали и нравственности». Почему-то эта организация, поведение и нравы которой в ее лучшие времена «святой Руси» православный царь Иван IV характеризовал как «хуже скотов», прославившаяся в истории алкоголизмом, ленью, развратностью, жадностью, решила, что именно она должна учить наших детей «морали и нравственности».

Попытка приватизации попами так называемой морали забавна, так как практически любое произведение классической литературы содержит все положения «морали» в легкоусвояемом рафинированном виде, без странных нагрузок в виде битья лбом об пол и целования досок и рук толстым мужчинам.

Предположение, что церковь может выступать неким «педагогом», вообще лишено оснований.

Следует помнить, что насиловавшие поповских дочек в 1918 году матросы или солдаты, «прикалывавшие» штыками буржуйских детишек, – все в обязательном порядке прошли катехизацию, полное воцерковление, причастие, изучали «закон божий» как обязательный для всех православных жителей Российской империи.

Вообще, следует помнить, что излишне кровавую и бесчинно сыгранную революцию 1917 года делали исключительно крещеные и воцерковленные люди, так как других в России того времени просто не было. Толпы погромщиков, дезертиров, расстрельщиков, убийц и насильников воспитала именно русская церковь, в руках которой до 1917 года были все педагогические функции. И это – исторический факт, спрятаться от которого не удастся.

Иными словами, никаких вразумительных объяснений необходимости введения религии в школе не существует. Кроме одного, самого простого – страстного желания РПЦ обеспечить себя еще парочкой поколений покупателей свечек.

Православие или жизнь?

Видим, как РПЦ, кряхтя от наслаждения, уже напяливает свою старую жандармскую шинель, услужливо поданную «Единой Россией».

Попы недолго играли в просветленность и благодущие.

Получив множество вызовов современности и будучи не способны на них ответить, они выбрали самый простой путь, решив заткнуть рты оппонентов кулаками полицейских и колючей проволокой зон.

Первым птеродактилем новой эпохи церковно-общественных отношений стала статья УК, в которой помимо дополнительной защиты молитвенных домов и религиозных аксессуаров со всей откровенностью прописана уголовная ответственность за инакомыслие.

Впервые за последние сто лет православные так откровенно выставили своего бога на посмешище.

Теперь понятно, что ему, несмотря на все его всемогущество, то есть на запасы эпидемий, небесных булыжников, расплавленной серы и легионы ангелов, без дополнительной статьи в УК РФ, запрещающей смеяться над служителями его культа, ну никак не протянуть даже до нового, 2013 года. Впрочем, вопрос качества их бога нас интересует меньше всего.

Интрига совсем в другом.

В контексте сегодняшней политической картинки известный лозунг религиозных фанатиков *«Православие или смерть»* приобретает особый, строго практический смысл.

Я, впрочем, рекомендовал бы гг. Нарышкину, Жириновскому и прочим думским хоругвеносцам пока ограничиться начертанием на своих галстуках, футболках и пиджаках промежуточного варианта данного лозунга, а именно: *«Православие или статья»*.

На данный момент это будет точнее и позволит оставаться в том самом «правовом поле», на котором думцам так удобно играть в футбол отрезанной головой Конституции РФ.

(К различным версификациям типа *«Православие или костер, электрический стул, кол, пуля и пр.»*, можно будет плавно перейти со временем.)

Любопытно, что лейтмотивом карательных инициатив является непереносимое «уважение» к религии и неким традициям. При этом законодатели ну никак не хотят объяснить, каким образом и за что можно «уважать» кровавую, деструктивную, лицемерную и агрессивную идеологию христианства?

Вторым пунктиком, обосновывающим необходимость новой статьи, служит то, что «верующие оскорбляются».

Но, во-первых, мы уже знаем, что вся мировая цивилизация и культура – это сплошное оскорбление для тех, кто хочет жить по правилам древнееврейского фольклора.

Во-вторых, мы видим, что вполне конкретные лица дрессируют верующих оскорбляться и, более того, – требуют от них должного градуса этой оскорбленности, а когда градус падает, то его старательно возгоняют.

Достаточно проанализировать недавнюю сцену так называемого молитвенного стояния у ХХС. Председательствующий на этом мероприятии гр. Гундяев (в лучших традициях сеансов Кашпировского) утверждает именно то, что в переводе с поповского на русский звучит как: «Оскорбляйтесь! Оскорбляйтесь сильнее! Стисните зубы от муки, видя *это!* Ужаснитесь!» При этом демонстрируются какие-то изображения на досках, покорябанные очередным религиозным фанатиком, вспоминаются бедные «пущи», выставки, телепередачи и старательно намекается на то, что от всех этих проделок их христианский бог как-то ужасно пострадал. (Забавно, что нейтральная реакция самого бедолаги-бога никак не учитывается, хотя, как мы знаем из «священных писаний», его ответы на любую оплошность бедного человечества всегда были высокоскоростными и искрометными.)

Столь же лукаво и тщательно в этих дрессировочных сеансах разыгрывается карта традиций и патриотизма.

Вот на этом уже стоит остановиться подробнее.

Дело в том, что русский патриотизм не обязывает носить лапти, иметь вшей или быть православным. А вот стремление затолкать русскую мысль, жизнь и сознание в православную пещерность, вернуть Россию на давно пройденный, архаичный этап развития – это и есть подлинная, настоящая русофобия.

Традиции – это, конечно, милые побрякушки, но с ними надо иметь мужество расставаться вовремя и без всякой жалости, так как именно они являются главными врагами всякого развития. Сохранение традиций мышления и мировоззрения никогда не позволило бы России иметь И. М. Сеченова, И. П. Павлова, М. В. Ломоносова и К. Г. Циолковского. Все они были олицетворением бунта против традиционного, в данном случае православного, взгляда на мир, а совсем не его следствием.

Вообще, как известно, есть два рецепта патриотизма. Военный и научно-цивилизаторский.

Патриотизм на военных дрожжах всходит быстрее, выглядит наряднее, проще усваивается массами. Рецепт его возгонки крайне прост: пользуясь завалами вранья в истории, надо воспевать различных генералов, по большому счету бессмысленно водивших по Европе толпы крепостных в пудренных мукой париках и прокалывавших животы брюхатых бюргерич с кличем: «С нами бог, разумеете языцы». Несмотря на идиотизм и бесперспективность этой модели, в ней есть своя прелесть: она практичнее, чем «научная», ибо именно военный патриотизм является лучшим рецептом для приготовления пушечного мяса. Эта модель удобна и для администрации страны, и вообще для любых исполнителей политических ритуалов: она требует лишь знания пары генеральских фамилий и умения вовремя блеснуть слезой из нужного глаза.

Патриотизм второго типа посложнее, и, что самое неприятное, он требует некоторых специальных знаний, например, того, что Иван Павлов не был монахом-доминиканцем, а Тимирязев не приговаривался афинянами к выпиванию яда. Конечно, такая глубина познаний в истории науки почти недоступна для юристов-экономистов-филологов в правительстве, но вопрос можно решить, дав наконец право администрации выступать на ответственных мероприятиях под фонограмму. (Конечно, надувать щеки научного величия, прочно удерживая красивое 155-е место в мире по качеству образования, сложновато, но не сложнее, чем великодержавничать, недавно продув войну даже крохотной Чечне.)

Второй рецепт, несомненно, хорош тем, что России, давшей миру образцы поразительного свободомыслия, гениальности в науке и технике, действительно есть чем гордиться. Но в этом варианте государственной идеологии нашим торговцам духовностью можно будет предложить совсем скромное место. А это опять оскорбит их чувства. Столь же сильно, как, например, аборты или гей-парады.

(Хотя мне совершенно непонятно, в чем принципиальное отличие гей-парада от крестного хода верующих? И в том и в другом случае мы видим костюмированное пафосное шествие, имеющее целью продемонстрировать некую исключительность в нем участвующих.)

С абортами еще забавнее.

Любопытно, что и по данной теме церковь имеет свое мнение, хотя никакими специальными знаниями, чтобы решать этот вопрос, вообще не располагает. Более того, мы знаем, что самое дикое свое невежество церковь всегда отстаивала с пеной у рта, но по всем вопросам всегда и неизменно садилась в лужу. Так было в вопросах астрономии, биологии, зоологии, антропологии и пр.

В частности, «отец церкви», вселенский учитель и святой Исидор Севильский является автором версии, что *«пчелы образуются из разлагающейся телятины, тараканы – из лошадиного мяса, кузнечики – из мяса мулов, а скорпионы – из крабов»*.

Не менее любопытную версию зоогенеза предложил и Фома Аквинский в «Сумме теологии» (*Summa Theologiae*): *«Если даже появляются новые виды, то потенциально они существовали раньше, что доказывает тот факт, что некоторые животные образуются из гниения других животных»*.

Любопытно, что останки мамонтов и динозавров теология вплоть до конца XIX века предлагала как доказательство существования «библейских гигантских людей», «исполинов», которые, согласно 6-й главе Книги Бытия и 13-й – Книги Чисел в Библии, параллельно с людьми населяли землю во времена Ноя и Моисея.

(Разумеется, тогда никто не вел специальных раскопок, но очень часто размывы, оползни, обрушения отвесных берегов рек обнажали гигантские кости.)

Примечательно, что их вывешивали в церквях именно как кости библейских исполинов, погибших при потопе.

Я уж не говорю о гео- и гелиоцентризме, о форме и возрасте Земли. Где бы мы ни искали хоть малейших проявлений разумности или «особых знаний» церкви, мы, к сожалению, их не найдем и будем вынуждены признать, что рассматриваем историю не только очень агрессивной, но и откровенно глупой организации.

Возможно, именно этим объясняется ее обидчивость.

Всегда, на всех и на всё.

Впрочем, нам, в России XXI века, от этого не легче. Нам опять, теперь уже законодательно, предлагается «Православие или смерть».

Полагаю, данный лозунг все же имеет смысл перефразировать раз и навсегда в «Православие или жизнь». И уж тогда делать свободный и осмысленный выбор меж этими двумя позициями.

Большой кремлевский хобот

Понятно, что переход президента, например, в индуизм спровоцирует массовое набитие мусорных корзин иконками, а чиновничество ринется в швейцарские и израильские клиники приращивать себе небольшие хоботы, чтобы добиться портретного сходства со слонолицым Ганешей, самым популярным божеством индуистского пантеона.

Циники и приспособленцы, конечно, будут пользоваться накладными хоботами, но истинные патриоты России заставят потрудиться трансплантологов и пластических хирургов. Всем и сразу станет понятна неразрывность Махаджякши с русской национальной духовной традицией и бесспорная роль Индры, Шивы и Парвати в Полтавской баталии.

(Нет никаких сомнений, что наша историческая наука поднапряжется и обслужит эту версию в лучшем виде.)

Эстетически это тоже будет недурно: хобот радикально украсит Мединского, облагородит Онищенко, очень пойдет Нарышкину, а вот у Валуге даже появятся реальные шансы стать премьером. (В стране торжествующего индуизма даже сам Медведев при Валуге с хоботом больше чем на его третьего референта не потянет.)

Впрочем, пока у Кремля другой «хобот», и крепится он не к лицу.

А гораздо глубже.

Особые, принципиальные отличия «таинственного» православного «хобота» от лицевого аксессуара Ганеши пока не установлены, так как и тот и другой относятся к разряду сверхъестественного и плохо поддаются обмерам. Говорят, православный «хобот» духовнее, но его обладателям «брать» приходится руками, что не всегда удобно по чисто тактильным соображениям.

Трудно предсказать, какие именно метаморфозы ждут государственную идеологию России, если в ней восторжествует (к примеру) индуизм или вуду. Свалка идеологического старья, на которой кремлевцы выкопали и напялили на себя загаженную и ветхую идеологию «православной империи», таит еще массу сюрпризов. Впрочем, есть надежда, что со временем на ней откопают что-нибудь не такое сгнившее, а чуть посвежее и поразвлекательнее.

Но все это теоретизмы.

Пока имеем то, что имеем, то есть идеологию, которая всегда и стабильно обеспечивала России только одно отличительное свойство – быть битой практически всеми, кто не ленился это делать.

Это было понято еще в середине XIX столетия, после позорного поражения в Крымской войне, но со всей отчетливостью сформулировано чуть позже.

Причем формулировка тем более ценна, что принадлежит тому, кто историю не только знал, но и неплохо делал: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все – за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно» (*Сталин И. Вопросы ленинизма, 1934, стр. 445*).

Но Кремль не дремлет.

Той самой идеологии, что обеспечивает отсталость и битость, ему надо все больше и больше.

Недавно он блеснул новыми задумками, небрежно замаскировав их под народные инициативы. (Возможно, по мысли кремлевцев, именно эти задумки стали достойным ответом на американскую программу освоения Марса.)

Первая заключается в создании «Мыслительного Заборского клуба», объединившего современных имперцев-славянофилов. Их предназначение – спасти Россию силой своей мысли. Заметно, что подобраны мыслители вдумчиво, тщательно и очень стратегично, то есть по принципу наличия бороды. Имперцы всем клубом гастролируют по провинциальным городишкам России и в каждом «из малых сих» совершают обряд заседания, чем ослабляют в данной точке страны влияние мировой закулисы, гомосексуализм и радиацию. Попутно «заборцы» решают основную проблему отечественной духовности, решая, как высморкаться в онучу, чтобы от носа не пахло ногами.

Вторая кремлевская инициатива еще симпатичнее. Страну собрались украсить портретами философствующих боксеров и работников эстрады с их признаниями в любви к РПЦ. В эту компанию затесался даже один профессор (большой любитель умных деток), обогативший науку открытием того, что «атеисты – это больные животные, и их надо лечить». Тут поначалу все шло прекрасно, но случилась небольшая осечка: привыкшие к нормальным деньгам за рекламу сотовых и чипсов, мордобойцы и вокалистки раскапризничались и не стали пиярить своего бога почти бесплатно. Не избалованный гонорарами любитель деток пока остался олицетворять духовность в одиночестве, но ситуация, что называется, поправима.

Хуже обстоит дело с новоустановленными государственными праздниками, вроде «согласия-примирения» или «славянской письменности». Смысл их по-прежнему непонятен, а вызываемое ими воодушевление ничтожно.

А вот здесь кремлевцам следовало бы поучиться у церкви, давно и успешно практикующей метод «пищевого подкрепления» своих адептов. Такой метод вырабатывает четкую аналогию праздника и разрешения на привычную еду, делая радостными даже совершенно непонятные даты и события. «Отцы» церкви не зря в свое время посещали римские цирки, где пристально наблюдали процессы дрессировки, и в результате изобрели превосходный способ наполнить для народа смыслом и ликованием любое церковное событие. Все очень просто: народу надо разрешить в этот день есть. Но чтобы он прочувствовал свое счастье, такому разрешению обязательно должен предшествовать период запрета почти на всякую еду.

В церкви это называется постом. В цирке (при дрессировке белых пуделей, лам, тюленей и пр.) тот же метод именуется красивым термином «выголодовка». То есть если на пару недель законодательно прикрыть все супермаркеты, рынки и продуктовые магазины, а 24 мая открыть, то День славянской письменности станет настоящим событием.

Другого способа привить к нему искреннее отношение и сделать «особенным днем», увы, вероятно, не существует. (Это касается и «согласия-примирения», «свободной России» и т. д.)

Но и этот трюк с гастрономами при наличии политической воли, что называется, «осуществим».

Хуже другое.

Бедный Кремль под влиянием забавной имперской идеологии, кажется, всерьез решил «опираться на большинство». Это «большинство», конечно, очень соблазнительно своей покорностью. И каждая опиравшаяся на него власть всегда была всерьез уверена, что это большинство покорно именно ей. Так полагал Николай II (Кровавый), так думал ГКЧП, Карл I (Английский), Людовик XVI и прочие любители «поопираться на народ». Все они всерьез полагали, что большинство так покорно и надежно именно потому, что «выбран верный курс», сделана «ставка на фундаментальные ценности», «традиции» и т. д. Осознание того, что это большинство – просто покорное, без особой разницы, кому, приходило монархам и правителям на эшафоте, в камере или в подвале, когда что-либо менять и делать ставку на все и определяющее агрессивное, хитрое и креативное меньшинство было уже поздно.

Быть может, наивный Кремль сбивает с толку наличие хулиганистых «правых активистов»?

Или он решил, что это и есть бунтари и экстремисты?

Избили древками своих хоругвей девчонок? Сорвали футболочку? Разгромили музей?

Но не надо подозревать в чем-то «плохом» этих мальчиков, это не экстремизм, это способ «вытянуться во фрунт до хруста в позвоночнике»; это не буза, а как раз высшее проявление покорности – умение сразу месить ногами того, на кого косо взглянуло начальство. Сменится начальник – сменится тенденция, и бывшие «православные активисты» с не меньшим воодушевлением будут сдергивать с попов рясы и отрывать накладные усы ряженым казачкам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.